

Павел КУЗНЕЦОВ

БАГРЯНОЕ ЗАРЕВО

По кочевьям найманов

Ни тропинки, ни куста. В пустыне голой
Лежит под солнцем, серебром пыли,
Холодный чар, как гнутый меч монгола,
Оставленный в зелёных ковылях.

На водопой летят ватагой птицы...
В гранитный берег тихо бьёт волна.
Стираются на каменных страницах
Арабские скупые письма.

Здесь без дорог, в неведомые дали,
Без родины, как листья на ветрах,
Найманы, вымирая, кочевали
В худых, разбитых бурями шатрах...

На Караджале их встречали джуты.
У Караджала став на рубежи,
В ущельях обнажали туленгуты
Точёные джунгарские ножи.

Блестит зарница над колхозным станом.
И вижу я, выходят на восток
По бездорожным стойбищам найманов
Потомки их, строители дорог.

Ночь в Алатау

Спят талгарские отроги,
Копьеносцы Семиречья,
Оживают тропы куньи
В заповеданных лесах.

Небожитель круторогий,
Звездопас золотоплечий,
Провозвестник новолунья –
Вышел месяц в небеса.

Ветры буйною толпою
Волны синие не пенят.
Не поёт лесная птица,
Не гудит в степях стрела,

Не выходит к водопою
Самка горного оленя.
И орлятам сладко спится
Под крутым крылом орла.

Олень

У самой китайской границы
Вдали от глухих деревень,
К ущелью, где речка струится,
Спускался красавец олень.

Какой он кудрявый да быстрый!
Какая крутая тропа!
Какой он... негаданный выстрел,
Метнулся олень и упал.

Гордец! Умирая, он не был
Во власти трусливой мольбы...
Атласное нежное небо
Застыло в глазах голубых.

В боярке за осыпью серой
Дымилась винтовка врага.
Холодный тесак офицера
Обрезал оленьи рога.

Стервятник на плечи их вскинул,
Задумав в Китай уходить.
Он сердце горячее вынул
Ножом из оленьей груди.

Шумели кудрявые ели,
Станицы встревоженных птиц
Над чёрным обрывом летели
У самых китайских границ.

И долго на белых камнях
Пылало, как яркий костёр,
Горячее сердце оленя,
Любимца алтайских озёр!

Предатель (из цикла «Панфиловцы»)

Молчать о нем? Но это невозможно:
 Война еще не кончилась пока...
 Он с нами вместе ел из котелка
 И на привалах западных, дорожных
 Шинелью нашей согревал бока.
 В ночах, когда на вьюгах застывали
 В заставах Истры наши патрули,
 Его теплом своим мы согревали,
 Ему сухарь последний отдавали,
 Товариществом нашим берегли;
 И письма задушевные читали;
 Такие, что в спокойные года,
 Пожалуй, никому и никогда
 По скромности б своей не показали.
 Он уставал, его бодрили шуткой.
 Та дружба неподкупною была.
 Мы табака последнюю закрутку
 Делили с ним в окопе пополам.
 Когда ж пришла минута испытанья
 И смерть смотрела каждому в глаза,
 Все попрощались; он же не сказал
 Товарищам ни слова на прощанье.
 Все поклялись погибнуть, но не
 сдаться,
 Так приказал любимый генерал...
 И только лишь один не мог
 поклясться:
 Он сам себе отходную читал,
 Спиной к окопу стылому припал.
 Клочков нахмурился: – Куда? Обратно?
 В Москву? В Ташкент? В Алма-Ата?
 Хоро-ош.
 Под яблонями нежиться приятно...
 Жена... квартира... М-1... Понятно...
 А Родина? А драться будет кто ж?
 И вдруг отпрянул славный политрук:
 Чудовища стальные окружали,
 Гранаты приготовленные сжали
 В минуту эту двадцать восемь рук.
 И замерли на миг большевики
 Не от огня врагов и черной стали,
 А оттого, что рядом две руки,
 Протянутые кверху, задрожали...
 Предатель... Нет, не верить лучше! Нет!
 Сердца сдавила ненависть глухая...
 – Кто умереть боится, пусть сдыхает!
 Поставил точку русский пистолет.

Друзья

О друзьях не вспомнить не могу.
 На крутом иртышском берегу
 Сколько с ними пройдено дорог,
 Сколько с ними стоптано сапог,
 Сколько с ними выпито до дна
 Горького и сладкого вина,
 Сколько с ними радостей и бед
 Познано за много зим и лет,
 С ними и в работе, и в бою
 Поделил я молодость свою...
 С ними радость встречу и беду
 С ними вместе к новому иду.

Алма-Атинское утро

Ала-Тау снежный серебрится,
 Выходит солнце в ореоле радуг,
 Брызги золотые рассыпая
 По зеленым кронам тополей –
 Это просыпается столица
 Яблоневых рощ и винограда,
 Нежная любимица Алтая –
 Южная красавица степей.

С песенкой Марии и Дударя
 Утро разгорается над лесом,
 Над седым ущельем Каргалинки,
 Где поет и пенится река.
 Добрый день, станичники Талгара!
 Славный день, джигиты Дегереса!
 Светлый день, моя Алма-Атинка,
 С яблочным загаром на щеках!

Девушка из Казахстана

В леса, за разливы Ловати,
В осеннюю желтую осыпь
В окопную непогоду буден
Пришла ты издалека...
Защитное скромное платье,
Пушистые черные косы,
И звонкий серебряный бубен
В твоих полудетских руках.

Сливаясь с певучей домброю,
Ты сердце свое открывала,
О мужестве пела, о силе,
О славе, рожденной в боях...
Гвардейское сердце героев
На подвиг святой подымала
И властно вела за собою
Волшебная песня твоя.

Блистали в глазах твоих строгих
То огоньки Коунрада,
То волны Алма-Атинки,
То будто сходились в них
Большие степные дороги
И яблоневые тропинки,
К бойцам возвращалась радость
В окопные хмурые дни.

Наура! Цветок Казахстана,
Посланица вольных аулов,
Спасибо хорошей и милой
За песни, за то, что пришла,
За то, что родной и желанной
В краю орудийного гула
Солдатскую славу делила,
Солдатскую службу несла.

Мы вспомним: концерт за Ловатью,
Свинца раскаленную осыпь,
Окопную непогоду буден
И песню на буйных ветрах,
Защитное скромное платье,
Пушистые черные косы
И звонкий серебряный бубен
В обветренных детских руках.

Парень из Павлодара

Он лежит в окопе стылом,
Вьюга щеки жжет.
О неласканной, о милой
Паренек поет.

Выйди, выйди, золотая
Зоренька моя,
Теплой шалью укрывая,
Приголубь меня.

Только новая свиданка
Будет потеплей...
Туша вражеского танка
Прёт из тополей.

Он не струсил, парень русский.
Паренёк силен!
Немцу крепкую закуску
Приготовил он:

– Получайте, обезьяны,
Банку по-первой,
Это наши баклажаны,
Закус мировой.

Преувесистая банка
С посвистом летит,
Рвется в гусенице танка, –
Вражий танк подбит.

– Да запейте закус, гады,
Глотку след промыть,
Припасли вам лимонада
На досуге мы.

И бутылка огневая,
Булькая, летит,
Щели танка заливая.
Вражий танк горит.

Дохнут немцы от угара:
Им принес конец
Паренек из Павлодара,
Гвардии боец!

Новогодняя ночь

Метет пурга. Под завыванье вьюги
Притих на миг оледенелый дзот.
Двенадцать полночи. Ну что же, други,
Нам время дорого. За честь подруги!
За счастье Родины! За Новый год!

Мы выпили. И снова автоматы,
Блестящая дисками, ложатся на ремни.
Двенадцать полночи. Но мы, солдаты,
Идем поганой кровью супостата
Гусиный пух снегов обагрывать.

Идем на месть. В суровых дебрях леса
Встают виденьем милые места:
Заснеженные горы Дегереса,
Талгарского предутрия завеса
И огоньки родной Алма-Ата.

И яблони с январскою вуалью,
И в ермаковском панцире Иртыш,
И ты, голубоглазая Наталья,
Тепло свое под оренбургской шалью
Для нашей встречи, может быть, хранишь.

А мы идем. Нам некогда томиться
По девушке, по другу, по жене.
В походе мы, и строги наши лица.
Молчим, обязанные подчиниться
Предательски лукавой тишине.

Не терпит слов военная дорога.
Здесь миг потерянный не наверстать.
Здесь все в расчете, правильном и строгом.

Законом дружбы сказано немного:
Убей врага, и можешь помечтать.

